

Процессы межэтнического взаимодействия в северных районах Коми-Пермяцкого округа в XX в.

ГОЛЕВА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (Пермь), Россия
e-mail: golevat@yandex.ru

Северо-западная часть Пермского края считается этнической территорией коми-пермяков. Уже с XVI в. здесь появляются русские поселения [Русские в Коми-Пермяцком округе, 2008, с. 4]. Расселение русских происходило постепенно, они останавливались как на необжитых землях, так и в поселениях коми-пермяков. Общие условия проживания и длительные контакты между двумя народами обусловили значительное сходство их народных традиций. Вместе с тем, оба народа сохраняли этническое самосознание. Как правило, в деревнях и селах поддерживались тот язык и народные традиции, которые принадлежали основателям поселений, несмотря на смешанные браки. В XX столетии этнические процессы усложняются, особенно значимыми были перемены в северных районах Коми-Пермяцкого округа – Гайнском, Косинском Кочевском. Их территория вместе с землями Юрлинского района в начале XX в. входила в состав Чердынского уезда Пермской губернии и характеризовалась общими природными и социально-экономическими условиями. В настоящем исследовании хотелось бы обобщить информацию об изменениях этнического состава данной территории в XX в. и обозначить их последствия. Основной отличительной чертой XX в. от предыдущего периода является появление в северных районах округа большого числа полиэтничного по составу населения. Причины данных процессов были разными. Уже в начале XX в. отдельные деревни и села Коми-Пермяцкого округа были местом ссылки политических заключенных. Их число было сравнительно небольшим, проживание – недолгим, но состав – разным по этнической принадлежности. Например, исследователи называют текстильщика П. П. Ногина из Подмосковья, социал-демократа И. Ю. Юзефовича из Черниговской губернии, большевика К. А. Георгадзе из Грузии и др. [Коми-Пермяцкий национальный округ, 1977, с. 61–62; Кониин, 1984, с. 3]. Историки отмечают распространение ссыльными среди местного населения социалистических идей. Можно предполагать также, что как ссыльные, так и местные жители могли наблюдать и воспринимать некоторые привычки и обычаи друг друга. Более масштабным в XX столетии на территории северных районов округа был приток сосланного населения при советской власти. Первые спецпереселенцы появляются в 1929 г. и продолжают прибывать до начала 1950-х гг., пока в 1954 г. не ликвидируется система спецпоселений [Суслов, 1998, с. 217]. Спецпереселенцы различались по категориям (кулаки, власовцы, репатрианты и т. д.) и по национальной принадлежности. Среди них были русские, белорусы, украинцы, поляки, немцы, литовцы, евреи [Гайнский район, 2006, с. 280; Власов, 2016, с. 203–205]. Их число постоянно менялось, одни погибали, других пересылали, привозили новые группы. Еще в мае 1930 г. уполномоченный ОГПУ в своем докладе отметил, что в округе проживало около 10 тысяч человек кулацкой ссылки [Гайнский район, 2006, с. 261], основная их часть находилась именно в северных районах. После 1954 г. многие спецпереселенцы покинули данную территорию, но небольшое их число

осталось. Можно отметить несколько примеров общения спецпереселенцев с местным населением. Местные власти настраивали коренных жителей против прибывающих переселенцев, называя их плохими людьми. Это способствовало развитию недоверия и враждебности. Переселенцы редко вспоминают о конфликтах, известны лишь случаи оскорбления, например, российских немцев из-за предрассудков и скудности знаний называли фашистами, других – ссыльными бесами [ПМ, пос. Кебраты, пос. Чуртан]. Общению препятствовали также языковые различия. Но постепенно по мере знакомства негативный настрой смягчился. Так, писатель Э. А. Касперович, белорус по происхождению, в своих воспоминаниях пишет: «Много было поначалу несуразностей – и бытовых, и языковых, но постепенно углы пригладились, любопытство уважилось» [Касперович, 2000, с. 19]. В первые годы переселенцев расселяли в дома местных жителей, что способствовало более тесному знакомству их друг с другом. На протяжении пребывания спецпереселенцев в округе отмечались примеры взаимной помощи: местные иногда делились своим куском хлеба, давали продукты взамен других вещей, и спецпереселенцы, когда уже получали постоянный паек, приходили на помощь голодающим деревенским жителям. Объединяли коренных и новых жителей также совместная работа на лесозаготовках, общие лишения и радости того времени. Частыми были межэтнические браки. Коми-пермяки отмечают, что контакты с переселенцами разрушили их прежние представления и ожидания. Например, их удивило сходство с ними в человеческих качествах, чувствах и даже во внешнем облике, так как они ожидали увидеть злодеев, некрасивых людей [ПМ, д. Иванчино], немцев – с рогами на голове [Гайнский район, 2006, с. 270]. Местные жители переняли от переселенцев некоторый опыт ведения земледелия (выращивание огурцов и помидоров, окучивание картошки), обустройства жилища (обмазывание пазов глиной, побелка стен избы). Они не остались равнодушными к трагедии переселенцев: в отдельных локальных традициях (Кочевский район) места их массовой гибели посещают на Троицкую субботу или упоминают в поминальных молитвах наряду с местами древних погребений. Для прибывающего спецконтингента местные условия оказались намного суровее, чем на их малой родине, поэтому для них было важным адаптироваться к данной среде. Это удавалось не всем. Например, белорусы вспоминают, что прибывшие до них поляки погибли, а они оказались выносливее и более приспособленные к лесным пространствам и холодным зимам. Многие переселенцы впервые начали использовать здесь в пищу грибы, некоторые виды ягод, это свидетельствует о том, что и они перенимали опыт коренных жителей. Некоторые из спецпереселенцев, кто остался на постоянное жительство, освоили коми-пермяцкий язык, приспособили к новым условиям свои традиции (например, кладбище стали посещать не на Радуницу, а на Троицкую субботу). В целом, необходимо отметить, что в результате наплыва спецпереселенцев усложнился этнический состав населения районов, в состав коми-пермяцкого народа влились новые этнические компоненты, были обустроены новые территории, появились новые населенные пункты. Основным языком общения в поселках становится русский, что влияло и на его распространение среди коми-пермяков. Произошел также культурный обмен. Во время Великой Отечественной войны Коми-Пермяцкий округ, как и другие территории Урала, стал местом размещения эвакуированного населения. В ноябре 1941 г. в северных районах находилось 1426 человек (18,5%). Еще одной категорией прибывающего в округ населения были вербованные рабочие (промпереселенцы). Первые группы завербованного населения для работы в лесу, по-видимому, прибывали в конце 1940-х гг. [Касперович, 2000, с. 20]. Их ряды продолжали пополняться в 1950-1960-е гг. [Народы Пермского края, 2014, с. 75] Промпереселенцы, по народ-

ным воспоминаниям, являлись людьми разных национальностей в основном из западных территорий СССР (русские, белорусы, украинцы, молдаване), а также из районов Пермской области (бардымские татары и башкиры). Небольшая их часть осела и вошла в состав постоянного населения лесных поселков: «Тут молдаване у нас остались, основались. . .», «Коми, белорусы и украинцы, и татары – и все живут вместе. . . [ПМ, пос. Н. Светлица, пос. Сергеевский]. Результатами данных миграций стало изменение состава населения, увеличение числа смешанных браков, культурный обмен. Помимо работников лесной отрасли в течение XX в. в обозначенные районы приезжали по распределению специалисты разных отраслей. Многие из них стали уважаемыми людьми, внесшими свой вклад в развитие территории. На непродолжительные сроки прибывали отряды для работы на строительных объектах (чеченцы, татары и др.). Все они так или иначе контактировали с местным населением и оставили память о себе в воспоминаниях. В течение XX в. часто через территорию северных районов округа проезжали цыгане. Их контакты с местным населением, наверно, мало отличались от взаимоотношений с жителями других мест. Среди коми-пермяков распространены рассказы о том, как цыгане гадали, выпрашивали продукты, что-либо обменивали, продавали, как воровали лошадей или покупали украденный скот: «Днем своих женщин посылают по домам, они собирают продукты в основном, кто деньги. Кто гадают, кто что. Вечером вся молодежь идет к цыганам гадать» [ПМ, д. Шорша]. В народных повествованиях прослеживается интерес к цыганской культуре, вера в их магические практики, а также настороженность (боялись краж, пугали детей, что цыгане их могут увезти). Местные старожилы помнят места гибели и погребений цыган. Никакой ритуальной практики по отношению к ним не отмечается, лишь в народной топонимике некоторых из этих мест получили соответствующие названия (Цыганский лог). Таким образом, XX столетие для коренных жителей северных районов Коми-Пермяцкого округа стало временем интенсивного взаимодействия с разными категориями прибывающего на их территорию населения. Большею частью вновь прибывшие были из западных территорий страны, они имели отличия в языке, в менталитете, в вероисповедании, в традициях, в уровне грамотности, в знаниях. Одним из результатов процессов взаимодействия с выходцами из отдаленных мест для местных жителей было расширение их знаний о других народах. Для переселенцев большое значение имела адаптация к местным природным условиям, чему отчасти способствовало их общение с коренным населением. Важными последствиями можно назвать развитие на севере округа некоторых видов хозяйственной деятельности вследствие восприятия опыта других народов и непосредственного их участия в трудовом процессе, усиление значимости русского языка, этногенетическое смешение населения, появление локусов памяти о побывавших на данной территории или погибших на ней представителей разных народов. Изменение этнического состава населения повлияло на уменьшение в нем доли коми-пермяков к концу XX в., но сохранило их преобладание в двух районах (Косинский район – 71,7

Работа подготовлена при поддержке комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-4.

Список источников и литературы: Власов А. Отдать должное. . . Коми-Пермяцкий национальный округ. Документальный материал: спецпереселенцы, раскулачивание, советские военнопленные. Пермь: Изд-во Богатырев П. Г., 2016. Кн. 2. 660 с. Гайнский район: страницы истории. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2006. 432 с. Касперович Э. На грани жизни и смерти // Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь: ИПК «Звезда», 2000. С. 8–42. Коми-

Пермяцкий национальный округ. Исторические очерки / Сост. Г. Т. Бачев. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1977. 293 с. Конин Г. Ссылные большевики в Косе // По ленинскому пути. 1984. № 25 (3 февр.). С. 3. Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник. СПб.: Изд-во «Маматов», 2014. 416 с. Национальный состав Пермской области. По данным переписей населения 1970, 1979, 1989, 2002 годов. Пермь, 2006. 97 с. Округ. Огненные годы. Сборник архивных документов и материалов [электронный ресурс] / В. Н. Надымов, А. С. Вотинцев. Кудымкар, 2015. Режим доступа: <http://www.komipermarchives.ru/pobeda70/index.html> (01.02.2018). Окружим вниманием и заботой эвакуированное население // По ленинскому пути. 1942. № 32 (2 февр.). С. 2. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования / А. А. Бахматов и др. Пермь: Изд-во ОТ и ДО, 2008. 501 с. Суслов А. Спецконтингент в Пермской области (1929-1953) // Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь: Изд-во «Здравствуй», 1998. С. 169–229. Носков А. Эвакуированный челядь? отс?т // По ленинскому пути. 1942. № 34 (10 февр.). С. 3.

Список сокращений: ПМ – полевые материалы.